

Балакин Сергей Владимирович, Анков Андрей Александрович

НОМИНАТИВНЫЙ И ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА "ИНВЕКТИВ" (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

В настоящей статье выявляются номинативные и деривационные возможности концепта инвектива во французской лингвокультуре. На основе таксономического подхода рассмотрены основные концептуальные признаки инвектива, при помощи которых осуществляется развитие, профилирование и номинация концепта. Реализация подобного концепта имеет место в речевых актах оскорбления и атаки, которые могут быть представлены в виде пропозициональной структуры: субъект-агрессор - предикат - объект-жертва. Номинативно-деривационный потенциал концепта инвектива зависит от его неперформативности и в полной мере осуществляется в предикате.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 24-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-119

Филологические науки

В настоящей статье выявляются номинативные и деривационные возможности концепта инвектива во французской лингвокультуре. На основе таксономического подхода рассмотрены основные концептуальные признаки инвектива, при помощи которых осуществляется развитие, профилирование и номинация концепта. Реализация подобного концепта имеет место в речевых актах оскорбления и атаки, которые могут быть представлены в виде пропозициональной структуры: субъект-агрессор – предикат – объект-жертва. Номинативно-деривационный потенциал концепта инвектива зависит от его неперформативности и в полной мере осуществляется в предикате.

Ключевые слова и фразы: концепт; инвектив; обценная лексика; номинация; деривация; пропозиция.

Балакин Сергей Владимирович, к. филол. н.

Уральский государственный университет путей сообщения
sergiorusso2007@yandex.ru

Анков Андрей Александрович

Уральский федеральный университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина
a.ankov@mail.ru

НОМИНАТИВНЫЙ И ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ИНВЕКТИВ» (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)®

Интерес к изучению концепта инвектива (оскорбление) – универсального для всех лингвокультур феномена – наметился в зарубежной лингвистической науке довольно давно. У современных исследователей особый интерес вызывает инвективный языковой пласт, определяемый, например, как *некодифицированный, табуированный, обценный, сниженный и непечатный* [14]. В последние десятилетия концепт инвектива стал объектом серьёзных научных исследований и в России, поскольку с началом процесса демократизации общества его употребление стало более свободным как в СМИ, так и в художественной литературе, которые стремятся сблизиться с языком бытовой вербальной коммуникации.

Многие исследователи делают попытки выявить сущностные характеристики оскорбления, основываясь на результатах анализа речевой стратегии говорящего и лексической наполняемости речевых актов инвектива. По нашему мнению, выводы исследователей в совокупности раскрывают концептуальные, культурные, прагматические и другие характеристики инвектива.

Некоторые авторы характеризуют инвектив как процесс речевой атаки, в которой субъект-агрессор воздействует на объект-жертву с целью оскорбления последнего при помощи так называемой обценной лексики. Иногда понятие инвектива интерпретируется как раскрытие негативной информации об адресате, приводящей к искажению его социального статуса и социальной привлекательности [11, с. 7]. Некоторые исследователи, напротив, сравнивают инвективный акт с конфликтогенными особенностями самого субъекта, с его грубостью и вульгарностью [9, с. 56].

М. А. Можейко в онлайн словаре определяет инвективу как дискредитацию объекта посредством адресованного ему текста с негативной окраской, которую он воспринимает, как оскорбляющую его статус [7]. Автор также усматривает в инвективе силу-антипод культурному табу, поэтому максимально инвективный смысл приобретают такие вербальные конструкции, которые моделируют такое табуированное поведение [Там же].

Точки зрения о табуированной природе инвектива придерживается и В. И. Жельвис, определяющий инвектив как способ существования агрессии, который воспринимается в той или иной социальной группе как резкий или запретный [4].

О. В. Саржина разграничивает речевой и языковой инвектив, понимая под последним как особый пласт негативной эмоционально-оценочной лексики, в роли инвективной функции [10, с. 3]. А. Е. Кулаков также различает языковое и речевое явление инвективы и выделяет чисто инвективы и обценизмы, которые определяются автором как стилистически сниженные лексические единицы, связанные с сексуальной сферой человеческой жизни [5, с. 32].

Изучая инвектив во французской лингвокультуре, Н. В. Носова выводит его в плоскость речевого воплощения конфликта. При этом актуализируются стилистически сниженные лексические единицы, нарушающие литературную норму и выражающие негативные эмоции говорящего. С точки зрения прагматики, адресант имеет цель оскорбить, унижить оппонента или продемонстрировать негативную оценку к предмету речи. В результате этого складывается выработанная инвективная речевая стратегия адресанта, его линия поведения, посредством которой передается сознательно определенное негативное отношение к адресату в конкретном речевом акте [8].

С другой стороны, по словам Н. В. Носовой, инвектива может использоваться в катартических целях, когда говорящий, употребляя непристойную лексику, получает выход негативных эмоций и моральное

удовлетворение. По словам исследователя, инвективная лексика обладает мощным конфликтогенным потенциалом, то есть способностью переводить общение в плоскость конфликта [Там же, с. 4]. При этом инвективу присущи все характеристики коммуникативного акта: личностные, социальные, статус участников общения, ситуация, в которой происходит коммуникация, а также наличие / отсутствие третьих лиц [Там же, с. 12].

Как любой другой речевой акт инвективный обладает как общими, так и частными характеристиками, к которым В. И. Жельвис относит установление контактов, подтрунивание и взламывание табу [3, с. 40-41, 100]. В широком же смысле автор определяет инвективу как любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту [Там же, с. 13].

Среди особенностей речевого акта оскорбления Е. В. Ерофеева определяет четыре. Во-первых, подобный акт не выражается перформативно. Во-вторых, он носит гибридный характер, так как объединяет в одном высказывании две или более интенций говорящего. В-третьих, речевой акт оскорбления принадлежит к эмоционально-оценочным актам, содержащим экспрессивную, разговорно-сниженную и бранную лексику. Четвертая особенность заключается в наличии экспрессивного синтаксиса, сопровождающегося изменением порядка слова, эллиптических конструкций, повторов и т.д. [2, с. 96-97].

Наличие в инвективном акте как минимум двух сторон, а также особых отношений между ними, концептуально сближает его с пропозициональной структурой. Пропозициональная структура, или пропозиция, является ментальным представлением взаимодействия субъекта с окружающими его объектами. Можно сказать, что речевой акт инвектива – это процесс актуализации инвективной пропозиции за счет установления взаимосвязи субъекта с объектом посредством обценной лексики. В свою очередь пропозициональная структура инвективы, как правило, складывается в стереотипные модели, подчиненные некоему прототипу, носящему когнитивный характер. По словам С. В. Балакина, на формирование подобных прототипических моделей огромное влияние оказывает социальный фактор и опыт человека. Индивидуумы склоны накапливать и употреблять определенный набор лексики под влиянием среды, в которой они обитают [1, с. 230-231]. Инвективная прототипическая же модель носит универсальный характер, так как может реализовываться повсеместно и в различных социальных группах и, как правило, делится на социально-аморальные и социально-нормативные подмодели.

Таким образом, инвектив – это крупномасштабный макроконцепт, который реализуется в речевом акте говорения, обладающего пейоративными (негативными), конфликтогенными свойствами.

Наиболее спорными в современной лингвистике остаются вопросы, связанные с определением лексики, вербализующей данный концепт, а также источников пополнения словаря инвектива. Так, во французском языке русской инвективе могут (у различных исследователей) соответствовать: *insulte, injure, juron, invective, vannes, gros mots*, тогда как в русском сложно провести четкую грань между такими понятиями, как *мат, обценная лексика, пейоратив, ненормативная лексика, арго, просторечие, вульгаризмы* [11].

Как показало исследование, концепт инвектива обладает огромным номинативным и деривационным потенциалами, под которыми мы понимаем способность концепта вербализовываться и развиваться за счет имеющихся в нем концептуальных признаков. Главной особенностью номинации и развития концепта инвектива заключается в том, что он не выражается перформативно, а получает конкретное развитие именно в словах, выражающих агрессию и оскорбление. По нашему мнению, наиболее эффективным методом исследования деривационного потенциала инвектива является метод в русле таксономической теории Э. Рош [16]. Согласно данной теории, концепт инвектива может быть представлен в виде иерархической структуры, состоящей из трех уровней концептов: суперординатного (вершинный концепт с наивысшей степенью абстракции и главным доминирующим концептуальным признаком), базового (концепты-подвиды с более конкретными концептуальными признаками) и субординатного (представленный конкретными концептами, за счет которых и осуществляется профилирование и вербализация концепта в конкретном речевом акте).

Во французской лингвокультуре концепт инвектива суперординатного уровня вербализуется наиболее абстрактным словом *invective* и имеет следующее определение: *paroles ou suite de paroles violentes contre qqn ou qqch / слова или грубые словосочетания против кого-либо или чего-либо*, – доминирующей концептуальной характеристикой которого, по данным словарей, является вербальная атака [15, р. 1365].

Интересным представляется тот факт, что в античном мире понятие, выражаемое при помощи слова *inveho*, обозначало физическую атаку, так как наряду с данной концептуальной характеристикой в структуре предиката присутствовали и концептуальные характеристики движения. Ср.: *in-veho, vēxī, vectum, ereact*: 1) ввозить, привозить; приносить; наносить; вносить; 2) влечь за собой, причинять, вызывать, порождать; 3) въезжать, приплывать; вступать; 4) устремляться, бросаться, нападать, атаковать; набрасываться, напускаться; ездить (на), нестись; 5) проезжать, переезжать [6, с. 559].

Можно предположить, что в прежние времена концепт *invective / инвектив* был частью макроконцепта , движение в определенном направлении и являлся одной из его концептуальных характеристик. Толчком для формирования в отдельный макроконцепт является, по нашему мнению, тесная связь данного концепта с концептом , говорение на основе концептуальной характеристики , направленность. Ср. в русском языке: вести разговор, речь идет о... и т.д.

С течением времени базовый концепт *invective / инвектив* за счет концептуальной характеристики , направленность и . пейоративность стал обрастать новыми, своими собственными концептами, обозначающими не только физическую, но и словесную атаку, и постепенно трансформировался в концепт суперординатного уровня с абстрактной концептуальной характеристикой , речевая атака.

Как показал концептуальный анализ, концепт *invective* формирует во французской лингвокультуре два базовых концепта: *injure* / *оскорбление, брань* и *insulte* / *оскорбление, обида, надругательство*. Объединенные под общим концептуальным признаком , речевая атака, оба базовых концепта реализуются в концептах субординатного уровня. Причем концепты субординатного уровня наследуют концептуальные характеристики концептов базового уровня. Так, базовый концепт *injure* включает концептуальный признак речевого оскорбления, в то время как базовый концепт *insulte* предполагает речевое оскорбление с элементами надругательства. На субординатном уровне оба базовых концепта могут включать такие микроконцепты, как *affront* / *оскорбление (публичное)*, *avanie* / *унижение*, *outrage* / *тяжелое оскорбление*, *calomnie* / *клевета*, *insolence* / *дерзость*, а их отличительным признаком является степень конфликтности. Большей конфликтностью обладает базовый концепт *insulte*.

Главным же номинативным и деривационным фактором концепта *invective* при речепорождении, как было сказано выше, является факт неперформативности, то есть невозможности одновременной актуализации всех членов пропозиции: нельзя обидеть человека, сказав, *я Вас оскорбляю – *Je vous injurie. Однако пропозиция может полностью реализовываться в ответной реплике типа: *Pочему Вы меня оскорбляете? – Pourquoi est-ce que vous m'injuriez?* В результате этого можно сказать, что при вербальной атаке наибольшим деривационным потенциалом обладает предикат, выражающийся в негативном отношении субъекта к объекту при помощи обценных слов. При отражении вербальной атаки, напротив, возникает эффект полной развернутой инвективной пропозиции. Ср.:

(1) *Bouge pas, connard* [13, p. 21]! / Не двигайся, **козел (подлец)**!

(2) *Putain, mec! Grouille-toi de ramasser cette saloperie d'oseille ou la prochaine balle sera pour ta putain de tête* [Ibidem, p. 12]. / **Сукин сын!** Пошевеливайся, собирай эти **чертовы бабки**, или получишь свинец в свою **гребаную башку**.

(3) *Certains baissent les yeux, d'autres sanglotent, d'autres serrent les poings sous l'effet de la colère, d'autres encore se lèvent pour l'insulter* [Ibidem]. / Одни опускают глаза, другие рыдают, третьи сжимают кулаки от гнева, **четвертые встают с ругательствами в его адрес**.

В примерах (1) и (2) показано непосредственное ругательство и угроза за счет актуализации предиката посредством обценной лексики *connard, putain* и *saloperie*. В данном случае сам концепт *invective* вербализован при профилировании микроконцепта *affront*, реализующийся в предикате. Пример (3) в не прямой речи показывает полную развернутую пропозиционную структуру: объект (*d'autres*) – предикат – объект (*l'insulter*).

Таким образом, в целом концепт *invective* представляет собой культурный феномен, противоположный табуированному. В соответствии с таксономической моделью Э. Рош, концепт *invective* может быть построен в виде иерархической трехступенчатой структуры, в состав которой входят суперординатный, базовый и субординатный уровни. По нашему мнению, такое построение оказывается удобным для описания не только структуры самого концепта *invective*, но и его номинативных и деривационных возможностей, а в равной степени и его концептуальных характеристик. Что касается главной концептуальной характеристики *invective* во французской лингвокультуре, то это вербальная атака, тесно связанная с физическим нападением субъекта на объект, что и предопределило деривационные возможности данного концепта. Основные базовые концепты *injure* и *insulte*, могут включать одни и те же микроконцепты субординатного уровня, однако отличительным концептуальным признаком является степень конфликтности и наличие надругательства.

В речи концепт *invective* формируется в виде пропозиции и реализуется в речевом акте агрессии, в ряду которого выделяются оскорбление, враждебное замечание, угроза, грубое требование, грубый отказ, порицание (упрёк) обвинение, ирония. Сама инвективная лексика характеризуется пейоративностью, не нормативностью, просторечьем и вульгаризмом. Номинативно-деривационный потенциал такой пропозиции подчиняется закону неперформативности, и при вербальной атаке пропозиция сворачивается до предиката, а при отражении пропозиционная структура может разворачиваться в полноценную трехчленную структуру. Анализировать конфликтную коммуникацию можно лишь учитывая её прагматический характер, социально-ролевые отношения участников, а также социокультурный и психологический контексты.

Список литературы

1. Балакин С. В. Влияние социального фактора на деривацию концепта , играй // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 5 (61). С. 229-232.
2. Ерофеева Е. В. Речевой акт оскорбления как коммуникативный ход инвективной стратегии во французском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). Ч. 2. С. 96-98.
3. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
4. Жельвис В. И. Стратегия и тактика брани: тендерный аспект проблемы. М.: Ладомир, 2001. 180 с.
5. Кулаков А. Е. Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 2. С. 32-34.
6. Латинско-русский словообразовательный словарь / авт.-сост. Г. Вс. Петрова. М.: ООО , Издательство "Оникс"Ъ; ООО , Издательство "Мир и Образование"Ъ, 2008. 704 с.
7. Можейко М. А. Инвектива [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. URL: <http://www.slovopedia.com/6/200/770541.html> (дата обращения: 03.02.2015).
8. Носова Н. В. Французская инвективная лексика в прагмалингвистическом и коммуникативно-дискурсивном аспектах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2011. 24 с.
9. Позолотин А. Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2005. 251 с.

10. Саржина О. В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 40 с.
11. Степко М. Л. Речевые средства выражения инвективных смыслов в жанре комментария публицистического дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. Майкоп, 2008. 28 с.
12. Cellard J., Rey A. Dictionnaire du français non conventionnel. Paris: Hachette, 1991. 928 p.
13. Claire F. Apnée noire. Paris: Edition du Toucan, 2014. 384 p.
14. Lagorgette D., Larrivière P. Les insultes: approches sémantiques et pragmatique // Langue Française. 2004. № 144. P. 3-12.
15. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Le Robert, 2007. 2837 p.
16. Rosch E. H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.

**NOMINATIVE AND DERIVATION POTENTIAL OF CONCEPT “INVECTIVE”
(BY THE EXAMPLE OF THE FRENCH LINGUISTIC-CULTURE)**

Balakin Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Philology
Ural State University of Railway Transport
sergiorusso2007@yandex.ru

Ankov Andrei Aleksandrovich
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
a.ankov@mail.ru

The article reveals the nominative and derivational potential of the concept of invective in the French linguistic culture. Basing on the taxonomic approach the authors consider the basic conceptual features of invective, by means of which the development, profiling and nomination of a concept are carried out. The implementation of this concept occurs in speech acts of insults and attacks that can be represented as the propositional structure: subject-aggressor – predicate – object-victim. Nominative-derivational potential of the concept of invective depends on its non-performance essence and it is completely implemented in the predicate.

Key words and phrases: concept; invective; obscene vocabulary; nomination; derivation; proposition.

УДК 372.881.1

Педагогические науки

В статье представлены результаты исследования эволюции языковых тестов по аудированию в первой половине XX века в США. Рассматриваются проблемы становления и развития методов контроля аудитивных навыков в ранней истории языкового тестирования. Обсуждаются результаты поисков тестологов, логика развития методов контроля и современное состояние языкового тестирования. Прогнозируются пути его совершенствования в будущем.

Ключевые слова и фразы: история языкового тестирования; аудирование; оценивание аудитивной компетенции; контроль навыков аудирования.

Балуян Светлана Размиковна, д. пед. н., доцент
Южный федеральный университет
baluyans@sfedu.ru

**ОЦЕНИВАНИЕ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ В РАННЕЙ
ИСТОРИИ ЯЗЫКОВОГО ТЕСТИРОВАНИЯ США ©**

Эффективная коммуникация в немалой степени зависит от сформированности навыков понимания иноязычной речи на слух, вот почему в течение всей истории лингводидактики развитию этих навыков уделялось немало внимания. При этом вопросы оценивания аудитивной компетенции достаточно долго оставались вне поля зрения тестологов. Конечно, определенные попытки измерить те или иные виды аудирования предпринимались и до зарождения языковой тестологии как науки, но они были единичными, а методика контроля, разработанная интуитивно, не позволяла сделать это измерение объективным. Изучение источников и исторический анализ проблемы позволили выявить эволюцию взглядов на методы контроля аудирования при обучении иностранным языкам, систематизировать их и проследить за трансформацией подходов к тестированию аудитивных навыков.

Выделение языкового тестирования из общего комплекса методики обучения иностранным языкам как самостоятельной ее области началось в конце XIX века, в эпоху господства грамматико-переводного метода. Хотя обучение аудированию не было приоритетным в тот период, а экзаменационные задания проверяли в основном знания грамматики и умение переводить, в отдельных случаях при контроле обученности языку экзаменаторы начали проверять сформированность аудитивных навыков. В качестве примера можно привести экзамен по немецкому языку Совета по вступительным экзаменам в колледжи, созданного в 1900 году для унификации стандартов и требований, предъявляемых к поступающим в университеты Северо-Востока США.